

Министерство науки и высшего образования РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН

ЕЖЕГОДНИК
финно-угорских исследований

Том 13
Выпуск 2

“Yearbook of Finno-Ugric Studies”

Volume 13
Issue 2

Ижевск
2019

Редакционная коллегия журнала

Главный редактор: Загребин Алексей Егорович (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия)

Зам. главного редактора: Кондратьева Наталья Владимировна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Мерзлякова Галина Витальевна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Жеребцов Игорь Любомирович (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Муллонен Ирма Ивановна (ИЯЛИ Карельский НЦ РАН, Петрозаводск, Россия)

Сааринен Сиркка (Туркуский университет, Турку, Финляндия)

Тулуз Ева (Институт восточных культур и цивилизаций, Париж, Франция)

Насибуллин Риф Шакрисламович (УдГУ, Ижевск, Россия)

Надь Золтан (Печский университет, Печ, Венгрия)

Иванова Маргарита Григорьевна (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия)

Владыкина Татьяна Григорьевна (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия)

Ковычева Елена Ивановна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Ванюшев Василий Михайлович (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия)

Кудрявцев Владимир Геннадьевич (МарГУ, Йошкар-Ола, Россия)

Нуриева Ирина Муртазовна (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия)

Шаланки Жужанна (Университет им. Л. Этвеша, Будапешт, Венгрия)

Чепреги Марта (Университет им. Л. Этвеша, Будапешт, Венгрия)

Шутова Надежда Ивановна (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия)

Норманская Юлия Викторовна (Институт языкознания РАН, Москва, Россия)

Кудрявцева Раисия Алексеевна (МарГУ, Йошкар-Ола, Россия)

Миннихметова Татьяна Гильнихметовна (Инсбрукский университет, Инсбрук, Австрия)

Саарикиви Янне (Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия)

Мызников Сергей Алексеевич (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Маклыгин Александр Львович (Казанская государственная консерватория им. Н. Г. Жиганова, Казань, Россия)

Кудрявцева Екатерина Львовна (Пирейский университет, Пирей, Греция)

Винклер Эберхард (Гёттингенский университет им. Георга-Августа, Гёттинген, Германия)

Пойбеау Тиерри (Университет Париж III Новая Сорбонна, Франция)

Ишмуратов Анатолий Васильевич (УдГУ, Ижевск, Россия)

Ответственные редакторы: *Черашняя Дора Израилевна* (УдГУ, Ижевск, Россия)

Кириллова Роза Владимировна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Тот Силард (Нарвский колледж, филиал Тартуского университета, Нарва, Эстония)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ	186
<i>Аухадиева Ф. С., Булычева Е. А.</i> Особенности грамматикализации глаголов самостоятельного перемещения в разноструктурных языках	186
<i>Баженова О. Н.</i> Стилистические функции антонимов в текстах коми художественной литературы	198
<i>Сердобольская Н. В.</i> Одушевленность и маркирование прямого дополнения в бесермянском корпусе	205
<i>Ившин Л. М.</i> Еще раз к вопросу о времени публикации первых книг на удмуртском языке	216
ФОЛЬКЛОРИСТИКА	223
<i>Кондратьева Е. В.</i> Общинные традиции в молодежных праздниках и обрядах чувашей и удмуртов	223
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	233
<i>Братчикова Н. С.</i> Тема детства и образы детей в произведениях Т. Паккалы и А. П. Чехова	233
<i>Чикина Н. В.</i> Образный мир в поэзии Сантту Карху	248
ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ	258
<i>Васильева О. И., Воронцов В. С.</i> «...Как свет для горного растения»: Кузубай Герд о значении и задачах дошкольного воспитания удмуртских детей	258
<i>Кулагин О. И.</i> Влияние лесопромышленного комплекса на развитие жилищной инфраструктуры Карельской АССР во второй половине XX века (1945–1991 гг.)	274
<i>Кондрашкина Е. А.</i> Государственные языки республики Марий Эл (история правового регулирования языковых проблем)	283
<i>Тамби С. А.</i> Плюские эстонцы: из этнической истории северо-запада России (по материалам периодики)	293
<i>Песецкая А. А.</i> Одежда как элемент свадебного обмена у марийцев (кон. XIX – нач. XX вв.)	312
<i>Науменко О. Н.</i> Новые образы обско-угорской культуры: следы ислама в религиозном орнаменте	325
ИННОВАЦИИ, ТЕХНОЛОГИИ	331
<i>Деци А.</i> Эстонские вкрапления в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Эстонии	331
<i>Динисламова О. Ю.</i> Репрезентация внешнего вида человека в аспекте рассмотрения эстетической категории «безобразное» (на материале фразеологизмов мансийского и русского языков)	343
ДИСКУССИИ	356
<i>Шаронов А. М., Шаронова Е. А.</i> Финно-угорские контексты русских былин	356
ИНФОРМАЦИЯ	368
<i>Федосеева Н. А.</i> Обзор работы региональной научно-практической конференции «XIX Игнатъевские чтения: горные мари в контексте истории и культуры»	368

Ф. С. Аухадиева, Е. А. Булычева

**ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛОВ
САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ
В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ**

В статье рассматриваются особенности грамматикализации глаголов самостоятельного перемещения в русском, немецком, удмуртском и татарском языках. В каждом из названных языков глаголы самостоятельного перемещения образуют систему, в которой они семантически противопоставлены друг другу по самому широкому спектру значений, связанных с направлением, способом, характером, интенсивностью перемещения в пространстве. В любом языке существует, как правило, определенное число глаголов перемещения, имеющих тенденцию к семантическому развитию и формированию новых лексических значений. Семантические изменения проявляются весьма специфично во флективных и агглютинативных языках. Можно наблюдать два основных типа семантических изменений. Прежде всего, модификация значения связана с утратой сем, репрезентирующих перемещение в пространстве, и с сохранением гиперсемы, выражающей «изменение» в широком смысле этого слова. Другой тип семантических изменений связан с нейтрализацией сем, репрезентирующих движение, направление и способ передвижения, однако при этом актуализируются семы, связанные с аспектуальными характеристиками: перфективность, инхоативность, дуративность. Эта семантическая модификация – важная предпосылка грамматикализации глагольных лексем. В процессе грамматикализации увеличивается число классов денотатов, которые могут выступать как актанты и способны связываться с глаголами. Особый отпечаток на процессы грамматикализации накладывают структурные характеристики языков. Авторы приходят к выводу, что глаголы самостоятельного перемещения во флективных языках (русском и немецком) практически не реализуют свои грамматические потенции. Напротив, в агглютинативных языках глаголы самостоятельного перемещения грамматикализируются в составе полипредикативных конструкций.

Ключевые слова: глаголы самостоятельного перемещения, семантическое развитие глаголов, десемантизация, грамматикализация глаголов самостоятельного перемещения, глаголы во флективных и агглютинативных языках.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-186-197

Процессы семантического развития глагольных лексем, расширение возможностей, позволяющее им функционировать как полнозначные глаголы, а также реализовать свой грамматический потенциал – все эти проблемы отражены в классических исследованиях отечественных и зарубежных ученых: В. Г. Адмони, В. В. Виноградова, О. И. Москальской, И. В. Тараканова, Э. Бенвениста, Х. Бринкманна, А. Мейе, Г. Хельбига и др. [Адмони 1986, Абрамов 1999, Виноградов 1972, Москальская 2004, Тараканов 2013, Бенвенист 2002, Meillet 1912, Brinkmann 1962, Helbig, Buscha 2006]. Вопросы, связанные с грамматикализацией глаголов, традиционно рассматривались в рамках частного языкознания. Особенно большого успеха добились исследователи германских языков, в первую очередь – немецкого, а также романских языков. Кон. XX и нач. XXI вв. характеризовались пробуждением интереса к теме грамматикализации глагола.

В центре внимания оказались вопросы, связанные с направлением грамматикализации, семантикой глаголов, имеющих тенденцию к грамматикализации, а также с языковыми процессами (фонетическими, морфологическими и семантическими), сопровождающими грамматикализацию глаголов. В работах К. Леман, Дж. Байби, Р. Перкинса, В. А. Плунгяна, Т. А. Майсака и мн. др. исследователей объектом исследования становились глагольные системы малоизученных языков различных регионов мира [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994; Lehmann 2005; Плунгян 2003; Майсак 2005]. Авторы обращали внимание на типичные черты грамматикализации и приходили к интересным выводам. Проведя колоссальную работу по выявлению универсальных явлений, изучив множество различных зачастую еще не описанных прежде языков, авторы нередко оставляли за рамками исследования причины грамматикализации того или иного глагола, связанные с глагольной системой конкретного языка, что представляется не менее интересным и актуальным. Именно поэтому было бы небезынтересно более подробно остановиться на процессах грамматикализации глаголов в нескольких языках.

Итак, цель данной статьи – рассмотреть особенности грамматикализации глаголов самостоятельного перемещения в русском, немецком, удмуртском и татарском языках. Важно проследить, в какой степени структурные особенности влияют на характер грамматикализации. Имеет смысл также выявить характерные отличия процессов грамматикализации двух важных семантических групп – глаголов самостоятельного перемещения и бытийно-экзистенциальных глаголов в русском, немецком, удмуртском и татарском языках.

Начнем с уточнения термина «грамматикализация» («grammaticalisation»), утвердившегося в языкознании лишь в нач. XX в. благодаря статье А. Мейе «L'evolution des forms grammaticales» («Эволюция грамматических форм»), изданной в 1912 г. в журнале «Scientia» и впоследствии неоднократно переизданной [Meillet 1912]. Возможно, термин упоминался и ранее в работах других ученых, поскольку процессы, связанные с расширением возможностей языковых единиц, что позволяло им выполнять грамматические функции, исследовались на протяжении многих веков. Этот взгляд на грамматикализацию представляется вполне осмысленным и подходящим, поскольку он лишен ненужной детализации и конкретизации, что позволяет, в частности, рассматривать грамматикализацию различных семантических групп глагольных лексем, возможности грамматикализации которых не очевидны или на первый взгляд ограничены. Именно поэтому такой широкий взгляд на сущность грамматикализации может быть принят за основу настоящего исследования, относящегося к грамматикализации глаголов самостоятельного перемещения.

Грамматикализация глаголов имеет, как известно, ряд характерных особенностей по причине чрезвычайной семантической сложности глагола как лексемы, с одной стороны, и глагола как словоформы – с другой. Глагол представляет собой характеризующее слово, его базовые наиболее широкие семантики (действие, процесс, состояние) связаны с временем. Они, в свою очередь, выражают статику (состояние) и динамику (действие и процесс). Процесс мыслится как некое событие, протекающее непрерывно. Он может быть связан с субъектом или не относиться к нему. Действие напрямую связано с субъектом, его производящим, но может быть также направлено на некий объект. На эти базовые семантики накладываются конкретные значения глагола как лексемы. Глагольная словоформа, в свою очередь, добавляет к этой сумме значений свои, связанные со временем, реальностью или ирреальностью. Словоформа может также передавать значения лица и числа. Кроме того, глагольные формы могут быть противопоставлены по целому ряду аспектуальных значений (однократность – многократность, длительность – одномоментность, завершенность – незавершенность, различные фазовые характеристики). Все вышесказанное обуславливает необходимость создания нового слова, нового глагола, выполняющего служебные функции, передающего большую часть этих значений, не связанных напрямую с конкретной семантикой обычного глагола-лексемы. Таким образом, в глагольной системе языка появляется новая единица – глагол как носитель грамматических значений. При этом, как правило, он не теряет статуса лексемы. Строго говоря, здесь мы имеем дело уже не с одним словом, а с несколькими самостоятельными: одним глаголом-лексемой

со всей палитрой лексических значений и одним или несколькими глаголами, выполняющими грамматическую функцию (вспомогательный глагол, глагол-связка или глагол как носитель модального значения и т.п.). Это явление, связанное с расширением функциональных возможностей глагольных лексем, трактуется как грамматикализация глаголов.

Глаголы самостоятельного перемещения составляют довольно многочисленную группу с богатой историей и являются неотъемлемой частью основного лексического фонда языка. В ходе своего развития глаголы претерпели значительные формальные и содержательные изменения, позволившие сформировать систему, элементы которой находятся в неустойчивом равновесии. Это своего рода «система в системе», т. е. описываемые глаголы относятся к ядру глагольной системы, которое в свою очередь влияет на глагольную систему в целом. Предыдущие исследования выявили некоторые особенности глаголов самостоятельного перемещения. С точки зрения семантики глаголы находятся в оппозитивных отношениях друг к другу по некоторым признакам, связанным с темпом, направлением (к субъекту и от субъекта говорения), частотностью движения (единичное и многократное), а также по таким признакам, как однонаправленность – разнонаправленность и очевидность – отвлеченность. Некоторые из глаголов исследуемой группы изначально не связаны напрямую с семантикой пешего перемещения, например, немецкий глагол *kommen*, а также удмуртские и татарские глаголы движения; поэтому они могут передавать передвижение с помощью транспортных средств, а также передвижение самих этих средств. Семантическое развитие анализируемых глаголов происходило ввиду расширения числа денотатов, которые могли выступать как актанты. Прежде всего, речь идет об именах неодушевленных предметов [Аухадиева, Булычева 2015, 176–179].

Давно установлено, что у некоторых групп глаголов, например бытийных, более ярко выражена тенденция к грамматикализации. Исследователи утверждали, в частности, что глаголы со значением «быть» и «иметь» подвержены грамматикализации во множестве языков [Бенвенист 2002; Адмони 1986, 170–171; Москальская 2004, 46]. Глаголы иных семантических групп, например со значением «идти» и «стоять», также способны играть существенную роль в сфере грамматики [Майсак 2005].

Однако отметим, что механизмы грамматикализации глагольных лексем специфично протекают у бытийно-экзистенциальных глаголов и иных групп. Авторы связывают эти механизмы с процессом «лексической десемантизации», «семантического выцветания» [Meillet 1912], «семантической эрозии» (semantic erosion), «семантического выцветания» («semantic bleaching») [Bybee 1994]. С такой точкой зрения можно согласиться лишь отчасти, поскольку то, что называют лексической «десемантизацией», в значительной степени предопределено широкой семантикой самой лексемы «быть», ее эврисемичностью, позволяющей ей соединяться в предложении-высказывании с неограниченным количеством классов денотатов в пропозициях, связанных не только расположением объектов в пространстве («*Мой сосед был уже дома, когда я уходил*»), но и репрезентировать некое событие («*Был месяц май, природа оживала*»). Н. Н. Амосова называла подобные глаголы глаголами широкого значения и отмечала их возможность сочетаться с отглагольными существительными [Амосова 2013, 114–120]. Хотя, справедливости ради следует согласиться с тем, что любые исследуемые глаголы при грамматикализации претерпевают те или иные семантические изменения.

Что касается группы глаголов самостоятельного перемещения, их семантическое развитие обнаруживает большее разнообразие. В русском языке в центре семантической группы этих глаголов находятся глаголы *идти* и *ходить*. Русский языковед Ф. И. Буслаев относил глаголы *идти* и *ходить* к группе продолженных глаголов, которые по аспектуальным характеристикам были противопоставлены совершенным или однократным, с одной стороны, и многократным или отдаленным – с другой. Противопоставление по виду между указанными глаголами автор объясняет способом представления действия как отвлеченного (*ходить*) и наглядного (*идти*). Кроме того, автор указывает на особенность глаголов, заключающуюся в возможности одновременно передавать и отвлеченность, и многократность [Буслаев 2006, 107], демонстрируя многогранность видовых особенностей русских глаголов. Анализ валентностных свойств

глагола показывает, что оба эти глагола могут сочетаться с сирконстантами, обозначающими направление, место, цель, способ, длительность движения: некто *идет* или *шел* / *ходит* или *ходил куда-то, где-то, каким-либо образом и как-то долго*. Важно заметить, что глагол *идти* выражает не только непрерывный, неизменный, незавершенный, но и однонаправленный процесс, а глагол *ходить* может выражать многократность, длительность, незавершенность, отвлеченность, разнонаправленность и даже хаотичность движения. Следует отметить, что, несмотря на удивительное сходство глаголов, с точки зрения лексической семантики глагол *идти* обладает более простой структурой, чем глагол *ходить*, что и обуславливает грамматикализацию этого глагола и его функционирование в составе устойчивых сочетаний: *идти на компромисс, идти на преступление, идти на поправку*. По-видимому, известная семантическая перегруженность глагола *ходить* ограничивает его активное использование в составе устойчивых выражений. Однако при некотором размышлении может возникнуть вопрос о причинах использования префиксальных дериватов от глагола *ходить* в составе устойчивых выражений: *приходить к соглашению, приходить к мысли, приходить к необходимости, приходить в отчаяние, приходить в неистовство*. Здесь можно заметить, что указанные глаголы образуют регулярные видовые пары совершенного и несовершенного вида с приставочными дериватами от глагола *идти*: *приходить / прийти к соглашению, приходить / прийти к мысли* и т. п.

Установлено, что глагол *идти* и его префиксальные дериваты используются в составе глагольно-именных устойчивых сочетаний, причем сема движения, перемещения в пространстве нейтрализуется; актуализируется лишь сема, репрезентирующая начало, интенсивность, многократность действия: *идти / пойти на преступление, на компромисс, на сговор, на соглашение, на сотрудничество*. Глаголы *идти* и *пойти* противопоставлены в указанных примерах по значениям «длительность» – «внезапность» или «многократность» – «однократность». Упомянутые семантические особенности глагола *пойти* дают ему возможность создавать инфинитивные конструкции. Сема, сигнализирующая о начале действия или процесса, актуализируется, что позволяет использовать *пойти* как фазовый глагол. При этом сема движения нейтрализуется, как видно в следующем предложении: *Пришёл он домой и пошёл ругаться (начал ругаться)*. Синонимичной конструкцией является инфинитивная конструкция с императивом глагола *давать*: *Пришёл он домой и давай ругаться*. Однако следует отметить, что инфинитивные конструкции с глаголом *пойти* имеют ряд существенных ограничений, препятствующих их регулярному использованию в языке. Кроме очевидных стилистических ограничений это и ограничение на способ действия, который репрезентирует инфинитив. Сравним два примера: *Сел он за стол и пошёл есть. Сел он за стол и пошёл за обе щеки наворачивать*. Инфинитив, как видно, должен выражать интенсивность, внезапность и даже некоторую хаотичность действия. Исходя из всего сказанного, можно заключить, что несмотря на большие возможности семантического развития, глагол *пойти* не играет значительной роли в глагольной системе, поскольку с точки зрения синхронии существует множество ограничений в его функционировании как грамматического маркера.

Ядро семантической группы глаголов самостоятельного перемещения в немецком языке образуют глаголы *gehen* (*идти, ходить*) и *kommen* (*приходить, приезжать, прибывать*). Эти глаголы содержат сему самостоятельного перемещения одушевленного субъекта в определенном темпе. Кроме того, известно, что глагол *gehen* содержит сему равномерного движения. Глаголы *gehen* и *kommen*, составляющие ядро, противопоставлены многочисленным префиксальным дериватам, семантическая модификация которых происходит по признакам, связанным чаще всего с направлением движения: *hineingehen, hineinkommen, hinuntergehen, herunterkommen, hinübergehen, vorkommen, ausgehen* и т. п. Многие префиксальные дериваты имеют тенденцию к расширению значений, которые не связаны с движением, перемещением в пространстве.

В немецком языке нет оппозиции глаголов, аналогичной русским глаголам *идти* и *ходить*, поэтому глагол *gehen* репрезентирует одно- и разнонаправленное, а также одно- и многократное движение. Известно, что глагол *gehen* семантически противопоставлен глаголу *kommen*. Важно заметить, что в глаголе *gehen* значение направленного передвижения «от субъекта» актуализируется лишь в контексте или при противопоставлении с глаголом *kommen*, что на-

глядно демонстрирует следующий пример: *Auf dem Uphagenweg herrschte Gegenverkehr. Sie kam, ich ging* [Grass 2008, 68]. Глагол *kommen*, напротив, содержит сему «завершенности», направленности «к субъекту» изначально, и это обстоятельство не зависит от контекста: „*Du bist gekommen*“ *sagte sie, und ihr Gesicht verlor die Starre...* [Remarque 2004, 64].

Эти семантические различия проявляются при грамматикализации исследуемых глаголов. Сочетаясь с предложной группой, глагол *gehen* репрезентирует пассивное залоговое, а также инхоативное аспектуальное значение. Приведенные ниже глагольно-именные конструкции можно рассматривать как формы, конкурирующие с традиционным пассивом, поэтому большинство из них имеет синонимичную форму, выраженную с помощью традиционного пассива: *in Arbeit gehen* (*bearbeitet werden*), *in Druck gehen* (*gedruckt werden*), *zu Ende gehen* (*beendet werden*), *in Erfüllung gehen* (*erfüllt werden*) [Helbig, Buscha 2006, 75]. Что касается глагола *kommen*, он также выступает в составе устойчивых словосочетаний с девербативами при затухании семы «перемещения в пространстве», однако при этом актуализируется сема «завершенности, результата»: *zum Abschluß kommen, zu Ansehen kommen, zur Anwendung kommen, zum Ausbruch kommen, zum Ausdruck kommen, zur Kenntnis kommen, in Frage kommen* и т. д. Все эти выражения имеют также инхоативное значение [Helbig, Buscha 2006, 78]. В немецком языке существует еще одна конструкция, в которой глагол *kommen* передает модальное значение возможности или невозможности (чаще всего ввиду отсутствия времени) совершить или завершить действие: *Ich bin nicht mehr dazu gekommen. Я не успел(а)*. Чаще всего глагол сочетается с инфинитивом: *Ich komme nicht dazu, das Buch bis zu Ende zu lesen. Я не успеваю дочитать книгу до конца*.

Итак, можно заметить, что в исследуемых флективных языках глаголы самостоятельного перемещения используются в основном в составе устойчивых словосочетаний. При этом глагольные лексемы служат для передачи целого ряда аспектуальных, реже модальных и залоговых значений. Флексии этих глагольных словоформ могут передавать категориальные значения лица, числа, наклонения, времени. В немецком языке используются беспрефиксальные глаголы, в русском чаще наблюдаются префиксальные. Глагол *ходить* в составе устойчивых словосочетаний не используется.

Возникает вопрос, почему глаголы самостоятельного перемещения с наиболее общей семантикой в немецком и русском языках не реализуют свой потенциал и не используются как вспомогательные глаголы подобно французскому глаголу *aller* или английскому *go* (*is going to / gonna*). Отвечая на этот вопрос, следует отметить, что существуют определенные ограничения на использование инфинитивных конструкций в высказываниях с этими глаголами. Как субъект действия выступают чаще всего одушевленные предметы. В русском и немецком языках существует подобная возможность в инфинитивных конструкциях с глаголами *идти* и *gehen*, в которых может проявиться модальная коннотация *намерения совершить действие*, однако семы, связанные с перемещением в пространстве, не нейтрализуются.

Глаголы самостоятельного перемещения в агглютинативных языках (татарский и удмуртский) представляют собой систему без явного противопоставления ядра, которое в русском языке представлено глаголами *идти* и *ходить*; в немецком – глаголами *gehen* и *kommen*, и периферии, представленной префиксальными и реже суффиксальными дериватами, образующими оппозицию, связанную с пространственными характеристиками, например: *войти – выйти, приходиться – уходить, eingehen – ausgehen*. Это связано со структурными особенностями языков. Агглютинативные языки обладают системой морфем, которые выражают какое-либо значение и присоединяются последовательно к глагольной основе, например, значение частотности совершения действия, каузации, взаимного действия и т. п. В удмуртском и татарском языках можно выделить пару глаголов, семантически близкую русским глаголам *идти* и *ходить*. Это татарские глаголы *бар-*, *йөр-* и удмуртские глаголы *мыныны* и *ветлыны*, которые могут описывать длительный, непрерывный, однонаправленный или часто совершаемый, хаотичный, разнонаправленный процесс.

Интересно, что в татарском языке есть большое количество антонимических пар, связанных с направлением, положением в пространстве. Это глаголы *кил- кит-*, *кер- чык-*, *мен- төш-*,

бар- кайт-. Существуют глаголы, связанные с отношением к объектам в пространстве. Глагол *жит*- связан с достижением предела, глаголы *ут*- и *уз*- связаны с прохождением мимо каких-то объектов или продолжением движения внутрь помещения [Татар грамматикасы 2002, 100]. Анализ системы временных форм литературного татарского языка показывает, что глаголы самостоятельного перемещения не способны выполнять функции вспомогательного глагола, как например, глаголы *иде*-, *тор*-: *Мин бара идем* (незавершенное прошедшее время), *барган идем* (давнопрошедшее время), *бара торган идем* (повторенное прошедшее) [Сафиуллина 1990, 121–123]. Интересно отметить, что в некоторых тюркских языках Средней Азии и юго-восточной Сибири (в казахском, узбекском, туркменском, шорском и уйгурском) для образования аналитических форм настоящего определенного времени вместе с деепричастием основного глагола наряду с глаголами *йат*- (*лежать*), *тур*- (*стоять*) и *отур*- (*сидеть*) используется глагол *йур*- (*ходить*) [Серебрянников, Гаджиева 2010, 168–170]. Формы настоящего определенного времени обнаруживают некоторую семантическую близость с настоящим продолженным временем английского языка, а также с синтаксической деепричастной конструкцией с глаголом *stare* итальянского языка: *Stiamo partendo proprio adesso* (*Мы уезжаем именно сейчас*). Вне контекста эти формы имеют значения длительного незаконченного единичного не повторяющегося действия, которое происходит в момент говорения. Несмотря на то, что глаголы самостоятельного перемещения в татарском языке не участвуют в образовании временных форм, они имеют тенденцию связываться с нефинитными глагольными формами.

Прежде всего следует упомянуть о безличной модальной конструкции с глаголом *кил*- (*приходить*), который семантически близок русскому глаголу *хочется*. Глагол *кил*- в конструкции сочетается с причастием на *-асы*, *-әсе*, которое может иметь аффикс принадлежности, а также притяжательное местоимение: *Минем барасым (язасым) килә. Мне хочется идти (писать)*. В приведенном примере обращает на себя внимание грамматическая избыточность, при которой субъект действия репрезентируется дважды – при помощи притяжательного местоимения *минем* и аффикса принадлежности *-ым*. Такая избыточность не является обязательной, для указания на субъект действия достаточно использовать аффикс принадлежности, что демонстрирует следующий пример: *Ул артистны күрәсем килде. Мне захотелось увидеть этого артиста*. Семантическая модификация глагола самостоятельного движения *кил*- (*приходить*), устойчивость модальной конструкции, универсальность в использовании с точки зрения временных форм, форм с отрицанием, репрезентация субъекта с помощью притяжательного местоимения или форм существительного позволяет отнести глагол *кил*- к модальным.

Кроме того, глаголы самостоятельного перемещения наряду с глаголами состояния в татарском языке образуют конструкции с деепричастиями на *-ып*, *-еп*, *-п* и на *-а*, *-е*, *-ый*, *-и* [Сафиуллина 1990, 169]. Статус этих конструкций неоднозначен, некоторые исследователи называют их сложными глаголами [Серебрянников, Гаджиева 2010, 213–215], полипредикативными конструкциями [Тажибаева 2002] или аналитическими конструкциями [Тумашева 1987, 202–209]. Первоначально глагол репрезентировал основное действие, а деепричастие – дополнительное действие субъекта. Дословно предложение *Ул карап тора* переводится *Он глядя стоит*, то есть *Он стоит и смотрит*. Сейчас фраза имеет и второе значение: *Он продолжает смотреть*.

Семантическое разнообразие исследуемых конструкций связано с особенностями деепричастий в татарском языке, которые не только могут передавать дополнительное действие, предшествующее основному, протекающее одновременно, но и способны описывать характер, причину и цель действия. Интересным представляется то обстоятельство, что глаголы самостоятельного перемещения часто сочетаются с другими глаголами движения, сохраняя свое основное значение. При этом в зависимости от значения глагола, которое передает деепричастие, актуализируется способ, характер или направление движения: *барып килү* (*пойти и прийти*), *чыгып китү* (*выйти и уйти*), *чыгып килү* (*выйти и прийти*), *чыгып керү* (*выйти и войти*), *йөгрөп бару* (*бегая идти, т.е. бежать непрерывно в одном направлении*), *йөгрөп йөрү* (*бегая ходить, т.е. бегать спонтанно*) [Татар грамматикасы 2002, 224–228].

Отметим, что семантическая модификация глаголов привела к затуханию семы, связанной с движением, направлением, расположением в пространстве, и актуализацией семы, связанной с характером протекания (длительность, внезапность, начало, завершенность и т.п.). Наряду со своим основным значением глаголы стали маркерами аспектуальных значений: для передачи завершения действия (*чык-*), для продолжающегося действия (*йөр-*), для передачи внезапно начавшегося действия, часто имеющего неконтролируемый характер (*кит-*), для передачи неполноты действия (*төш-*) [Сафиуллина 1990, 169]. При этом мы имеем дело с омонимией конструкций, что наглядно демонстрирует следующий пример: *Танышларына әйтеп чыкты*. Наряду с основным значением *Своим знакомым он(а) сказал(а) и вышел (вышла)* предложение может означать следующее: *Он сказал (она сказала) каждому из своих знакомых*. Здесь значение глагола не связано с движением, а лишь с дистрибутивным действием и завершенностью действия [Татар грамматикасы 2002, 231]. Конструкция *йоклап китте* может означать следующее: *Он(а) переночевал(а) и ушёл (ушла)*. Кроме того конструкция *йоклап китте* может означать *внезапно, неожиданно уснул(а)*. Глагол *китте* характеризует внезапно начавшееся действие [там же, 231].

Удивительно, но глаголы самостоятельного перемещения в удмуртском языке обнаруживают множество близких семантических и морфологических свойств к татарским глаголам. В удмуртском языке к этой семантической группе относятся глаголы *мыныны (идти)*, *ветлыны (ходить)*, *лыктыны (приходить)*, *вуыны (приходить, вернуться)*, *кошкыны (уходить)*, *потыны (выходить)*, *ортчыны (пройти)* и другие. Так же, как и в татарском языке, они могут представлять оппозитивные отношения, например, *лыктыны – кошкыны*. Глаголы *мыныны (идти)* и *ветлыны (ходить)* так же, как и в татарском и русском языках могут представлять оппозицию по признаку одно- и разнонаправленное движение. Примечательно, что в удмуртском языке, как и в и татарском, ввиду отсутствия префиксов словообразование не играет столь важной роли в системных отношениях. Как уже было отмечено, агглютинативные языки обладают системой морфем, которые специализируются на репрезентации какого-либо признака. Для примера можно проанализировать значение многократности совершения действия и способы его передачи. В удмуртском языке для передачи многократности используется несколько суффиксов, наиболее распространенными из них – *-л-*, *-лля-* [Грамматика современного удмуртского языка 1962, 219], поэтому у глаголов есть возможность образовать оппозицию по данному признаку: *кошкыны (уйти) – кошкылыны (уходить)*, *мыныны (идти, ехать, следовать) – мынылыны (многократно идти, ехать, следовать)*. В татарском языке существуют аффиксы с аналогичным значением *-гала / -гәлә*, *-кала / -калә* и *-штыр -штер / -ыштыр -ештер*: *кергәлә, баргала, язгала, бараштыр, керештер* [Сафиуллина 1990, 168]. Надо отметить, что, несмотря на тенденцию к семантическому развитию, большинство глаголов самостоятельного перемещения в удмуртском языке имеют незначительную тенденцию к грамматикализации, хотя глагольная система демонстрирует большое разнообразие аналитических глагольных временных форм и синтаксических конструкций. Тем не менее для того, чтобы рассмотреть процессы семантического развития, стоит обратиться к двум примерам с близкой семантикой.

Глаголы *лыктыны* и *вуыны* переводятся на русский язык как *прийти, приходить, приезжать, приехать*. Кроме семы «передвижение в пространстве» в глаголах есть семы «завершенности, достижения цели», а также сема «направленного движения к субъекту». *Асьтэос ик вуоды-ай, лыктоды али, тэльмыроды: берт вал тон, Кирла, асьме гуртэ ик, тонтэк туж секыт. Сами же придёте, придёте ещё, будете умолять: вернулся бы ты, Кирла, в нашу же деревню, без тебя очень тяжело* [Широбоков 1980, 9].

Главное отличие между глаголами заключается в их дистрибутивных возможностях. Глагол *лыктыны* может связываться в структуре высказывания с сирконстантами, которые характеризуют цель, способ передвижения: *Со угось куанер адыми, Онтоноз съёры кытчы лыктэмзэ но умой-умой өз вала луоз. Он же бедный человек, за Онтоном куда пришла хорошо даже не поняла* [Широбоков 1980, 32]. Дальнейшее развитие глагола *лыктыны* можно наблюдать в предложениях, где он выступает в функции связки – *быть, приходитьсь кому-то кем-то*: *Со*

милемлы агай лыктэ. Он нам **приходится** дядей [Удмуртско-русский словарь 1983, 265]. При этом происходит значительная семантическая модификация. Утрачиваются семы, связанные с перемещением в пространстве, с направлением и результатом. Однако связочная функция глагола *лыктыны* имеет ограниченный характер. Речь идет, прежде всего, о родственных и дружеских отношениях: *приходиться кому-либо отцом, другом* и т.п. Кроме того, глагол выступает в устойчивом словосочетании *прийти в голову, прийти на ум*, при этом актуализируется сема «достижение результата»: *...тодаз лыктйз колхозын дун басьтэмез. ...мысль пришла, вспомнил зарплату, полученную в колхозе* [Широбоков 1980, 13].

Значения глагола *вуыны* развиваются при нейтрализации сем, связанных с перемещением в пространстве, и актуализации семы «завершенности, достижения цели», что позволяет использовать его в составе устойчивых словосочетаний: *Онтонэн йырин гинэ ой вал, сотэк но улон секыт, котыр ваньмыз куашкан калэ вуэмын. Не только из-за Онтонэ, и без него жизнь тяжела, все вокруг **пришло в упадок*** (букв.: развалилось) [Широбоков 1980, 30]. Глагол *куашканы* означает рушиться, проваливаться, однако сема «завершенности, достижения цели» в данном глаголе отсутствует. Именно глагол *вуыны* и придает значение завершенности процесса всему выражению.

Отметим, что наиболее интересен с точки зрения грамматики глагол *потыны*. Он означает *выходить, выехать откуда-либо или куда-либо, сойти с транспортного средства: Мон гуртысь потйсько. Я выхожу из дома. Потйз но кошкыз. Он(а) вышел (вышла) (из помещения) и уйёл (ушла)*. Семантика глагола *потыны* претерпевает значительное развитие, когда актантом выступают неодушевленные существительные, и речь идет, например, о движении воздушных масс, дыма, пара и т.п.: *Чын потэ, гурысь пось потэ*. Здесь, по-видимому, не происходит значительного изменения в семантике, поскольку глагол *потыны* обычно характеризует движение – выход из замкнутого пространства (помещения, транспорта и т.п.).

Глагол *потыны* имеет модальное значение желания совершить какое-либо действие. Он выступает в безличных аналитических конструкциях с девербативами: *мынам чай юэм потэ (мне хочется пить чай), мынам сием уг поты (мне не хочется есть), мынам ужам потэ (мне хочется работать)*. Интересно отметить, что упомянутая конструкция имеет черты, близкие к безличной модальной конструкции с глаголом *кил-* (*приходиться*) в татарском языке. Глагол *потыны* так же, как глагол *кил-*, сочетается с глагольными формами, которые могут иметь аффикс принадлежности, а также притяжательное местоимение. На сходство описанных аналитических конструкций обращал внимание известный языковед И.В. Тараканов. В своих работах он часто обращался к описанию аналитических полипредикативных конструкций, в частности, с глаголом *потыны* [Тараканов 1998; Тараканов 2013]. Он выделял несколько причин распространения этой конструкции, ее грамматикализации в удмуртском языке. Прежде всего, это семантическое развитие глагола *потыны*, что позволило ему сочетаться с отглагольными именами. Кроме того, автор указывал на воздействие языковых контактов: «Развитию аналитических конструкций с глаголом *потыны* могло способствовать также непосредственное соседство удмуртского языка с тюркскими языками, где имеются аналогичные аналитические конструкции...» [Тараканов 1998, 186]. Сравнивая подобные конструкции в тюркских языках и в удмуртском, можем заметить интересное обстоятельство: глаголы в безличных аналитических конструкциях имеют первоначально значения, связанные с различными направлениями *выходить (потыны)* в удмуртском языке и *подходить (кил-)* в татарском, что не мешает им передавать сходное модальное значение желания совершить какое-либо действие.

Следует также отметить, что глагол *потыны* участвует в образовании аналитических глагольных конструкций иного рода. Достаточно часто глагол *потыны* выступает в составе синтаксических конструкций с деепричастиями. При этом он утрачивает семы, связанные с перемещением в пространстве, сохраняя лишь сему «результативного изменения»: *Мон учкыса потй но книгаме пытсай. Просмотрев (дословно: смотрев вышел) книгу, я ее закрыл. Мон лыдзыса потй но книгаме пытсай. Прочитав книгу, я ее закрыл*. Поскольку деепричастная конструкция с глаголом *потыны* имеет регулярный характер и глагол претерпевает значитель-

ную семантическую модификацию, есть все основания констатировать акт грамматикализации глагола.

Итак, в удмуртском языке происходит грамматикализация глагола *потыны* в составе личных и безличных аналитических конструкций. Вновь возникает вопрос о причинах грамматикализации именно этого глагола. Ответить на этот вопрос сложно. Одно можно утверждать с полным основанием: семантика глагола *потыны* имеет тенденцию к значительному развитию. Возможно, ее можно сравнить с развитием семантики русского глагола *выходить*, который наряду с перемещением человека, животного, транспортного средства, истечения жидкости или выхода пара и газа может употребляться в иных контекстах: *У меня ничего не выходит (удаваться). Он, выходит, самый умный (модальное слово). Он вышел молодцом (оказаться)*. Возможно, в этих глаголах наряду с семой «результативного изменения» реализуется некая скрытая сема «непроизвольного выхода». Так или иначе, глагол *потыны* представляет собой интересное явление и с точки зрения лексической семантики, и с точки зрения грамматики.

Таким образом можно констатировать, что в удмуртском и татарском языках происходит грамматикализация глаголов *потыны* и *кыл-* в составе безличных аналитических конструкций, имеющих модальное значение желания. Достаточно распространены в татарском языке личные аналитические конструкции с глаголами самостоятельного перемещения, которые характеризуют начало, конец, завершенность и длительность действия. В удмуртском языке такого рода конструкции распространены в основном в южных диалектах. Важное обстоятельство грамматикализации глаголов – высокая степень аналитизма языков, т.е. большая распространенность глагольных аналитических конструкций в удмуртском и татарском языках, позволяющая реализовать возможности глаголов самостоятельного перемещения.

Итак, подводя общие итоги, можно заключить, что и во флективных (русском и немецком), и в агглютинативных (удмуртском и татарском) языках глаголы самостоятельного перемещения, несмотря на их семантическую подвижность, реализуют свой грамматический потенциал весьма незначительно в сравнении с бытийным глаголом. Ни в одном из исследуемых языков глаголы самостоятельного перемещения не используются как вспомогательные глаголы для передачи основных категориальных значений – таких, как время, залог, наклонение, как это происходит с глаголом «быть». В русском и немецком языках исследуемые глаголы чаще всего могут функционировать в глагольно-именных конструкциях. В удмуртском и татарском они выступают в составе полипредикативных конструкций и служат для передачи аспектуальных и модальных значений, обогащая выразительные возможности языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка. М.: Владос, 1999. 288 с.
- Адмони В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка: Строй современного немецкого языка. М.: Просвещение, 1986. 336 с.
- Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 216 с.
- Аухадиева Ф. С., Булычева Е. А. Семантические особенности глаголов самостоятельного перемещения в разноструктурных языках // Актуальные проблемы современности. 2015. № 2. С. 174–181.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Едиториал УРСС, 2002. 447 с.
- Буслав Ф. И. Историческая грамматика русского языка: Этимология. Изд. 7-е. М.: КомКнига, 2006. 296 с.
- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.
- Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962. 376 с.
- Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. 480 с.
- Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка. М.: Академия, 2004. 352 с.
- Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
- Сафиуллина Ф. С. Татарский язык. Казань: Татарское кн. изд-во, 1990. 447 с.

- Серебрянников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 304 с.
- Тажигаева С. Ж. Целевые полипредикативные конструкции с глаголами движения в главной части // Языки коренных народов Сибири. 2002. № 8. С. 50–57.
- Тараканов И. В. Аналитические глагольные образования в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2013. Вып. 2. С. 3–7.
- Тараканов И. В. Употребление и значения аналитических форм глагола с *потыны* в удмуртском языке // Исследования и размышления об удмуртском языке. Ижевск: Удмуртия, 1998. С. 181–188.
- Татар грамматикасы. Т. II. М.: ИНСАН, Казань: ФИКЕР, 2002. 448 с.
- Тумашева Д. Г. О двух типах аналитических конструкций с глаголами движения в татарском языке // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987. С. 202–209.
- Удмуртско-русский словарь: Около 3500 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; под ред. В. М. Вахрушева; Удм. НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.
- Широбоков В. Г. Ошмес жилььртэ ваньмызлы. Ижевск: Удмуртия, 1980. 240 с.
- Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. 654 S.
- Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994, 398 p.
- Grass G. Beim Häuten der Zwiebel. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2008. 480 S.
- Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Berlin. München. Wien. Zürich. New York: Langenscheidt, 2006. 654 S.
- Lehmann C. Theory and method in grammaticalization // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2005. № 32. S. 152–187.
- Meillet A. L'évolution des forms grammaticales // Scientia. 1912. № 12 (26). Pp. 384–400.
- Paffen K.-A. Deutsch-russisches Satzlexikon: in 2 B. Leipzig: VEB Enzyklopädie, 1974. 1686 S.
- Remarque E. M. Die Nacht von Lissabon. М.: Изд-во «Менеджер», 2004. 336 с.

Поступила в редакцию 12.12.2018

Аухадиева Фания Сабировна,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
e-mail: profin@udm.ru

Булычева Елена Александровна,
кандидат филологических наук, доцент,
Удмуртского государственного университета
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
e-mail: bulychevae@mail.ru

F. S. Aukhadieva, E. A. Bulycheva

**Specific gramaticalization features of the independent movement verbs
in languages with different structure**

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-186-197

The article reviews the grammaticalization features of the independent movement verbs in the Russian, German, Udmurt and Tatar languages. The verbs of independent movement in each of the mentioned languages form the system in which verbs are semantically opposed to each other on the widest range of criteria connected with the direction, way, character and intensity of movement. Usually in any language there are a certain number of movement verbs which take part in semantic development and the forming of new lexical meanings. The

semantic development has specific features in fusional and agglutinative languages. We can observe two main types of semantic changes. The first type of semantic modification is connected with the disappearing of the seme, which represents «movement in space» and with the preservation of the hyperseme expressing «changing» in the widest sense of this word. The other type of semantic changes is connected with the neutralization of the seme, representing movement, direction and a way of movement, however at the same time the seme connected with aspectual characteristics are actualized: perfectivity, telicity, durativity. This semantic modification is an important basis for the grammatikalization of verbal lexemes. Semantic development can occur due to extension of denotates classes, which can function as actants. The processes of grammaticalization in the languages with a different structure have specific features. The authors come to the conclusion, that the verbs of independent movement in the fusional languages such as Russian and German realize their grammatical potential to some degree. On the contrary in agglutinative languages such as Udmurt and Tatar a lot of verbs of independent movement realize their grammatical potential so that they can function as a part of polypredicative constructions.

Keywords: verbs of independent movement, semantic development of verbs, grammaticalization of the verbs of independent movement, verbs in fusional and agglutinative languages.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 2, pp. 186–197. In Russian.

REFERENCES

Abramov B. A. *Teoreticheskaya grammatica nemetskogo yazyka* [Theoretical grammar of the German language]. Moscow, Vados Publ., 1999. 288 p. In Russian.

Admoni V. G. *Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka: Stroi sovremennogo nemetskogo yazyka* [Theoretical grammar of the German language: system of modern German language] Moscow, Obrazovanie Publ., 1986. 336 p. In Russian.

Amosova N. N. *Osnovy angliiskoi frazeologii* [The basics of English phraseology] Moscow, Librokom Publ., 2013. 216 p. In Russian.

Aukhadieva F. S., Bulycheva E. A. Semanticheskie osobennosti glagolov samostoyatel'nogo peremeshcheniya v raznostrukturnyx yazykaxh [Semantic peculiarities of verbs of an independent movement in structurally different languages]. *Aktual'nye problemy sovremennosti* [Actual problems of modernity], 2015, no. 2, pp. 174–181. In Russian.

Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 447 p. In Russian.

Buslaev F. I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Etimologiya* [Historical grammar of the Russian language: Etymology]. Ed. 7. Moscow, Komkniga Publ., 2006. 296 p. In Russian.

Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical doctrine of the word]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 616 p. In Russian.

Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya. [Grammar of the modern Udmurt language. Phonetics and morphology]. Izhevsk, Udmurtia Publ., 1962. 376 p. In Russian.

Maysak T. A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktsii s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [Type of grammaticalization of constructions with verbs of motion and verbs of position]. Moscow, 2005. 480 p. In Russian.

Moskalskaya O. I. *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo nemeckogo yazyka* [Theoretical grammar of modern German]. Moscow, Academia Publ, 2004. 352 p. In Russian.

Plungyan V. A. *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General morphology. Introduction to the problem]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 384 p. In Russian.

Safiullina F. S. *Tatarskii yazyk* [Tatar language]. Kazan, Tatar Publ., 1990. 447 p. In Russian.

Serebrennikov B. A., Gajieva N. Z. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskixh yazykov* [Comparative-historical grammar of Turkic languages]. Moscow, Librokom Publ., 2010, 304 p. In Russian.

Tazhibaeva S. Zh. Tselevye polipredikativnye konstruktsii s glagolami dvizheniya v glavnoi chasti [Purpose polypredicative constructions with verbs of motion in the main part]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia], 2002, no. 8, pp. 50–57. In Russian.

Tarakanov I. V. Analiticheskie glagol'nye obrazovaniya v udmurtskom yazyke [Analytical verbal units in the Udmurt language]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. History and Philology], 2013, vol. 2, pp. 3–7. In Russian.

Tarakanov I. V. Upotreblenie i znacheniya analiticheskikh form glagola s potyny v udmurtskom yazyke [Use and meaning of the analytical forms of the verb with *потыны* in the Udmurt language]. *Issledovaniya i razmyshleniya ob udmurtskom yazyke* [Studies and reflections on the Udmurt language]. Izhevsk, Udmurtia Publ., 1998. Pp. 181–188. In Russian.

Tatar grammatikasy [Tatar grammar. Vol. II]. Moscow, Insan Publ., Kazan, Fiker Publ., 2002. 448 p. In Tatar.

Tumasheva D. G. O dvuh tipah analiticheskikh konstruktssii s glagolami dvizheniya v tatarskom yazyke [On two types of analytical constructions with verbs of motion in the Tatar language]. *Sushchnost', razvitie i funktsii yazyka* [Essence, development and functions of language]. Moscow, Nauka Publ., 1987. Pp. 202–209. In Russian.

Udmurtsko-russkii slovar': Okolo 35000 slov [Udmurt-Russian dictionary: About 35000 words]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1983. 592 p. In Russian.

Brinkmann H. *Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung*. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. 654 p. In German.

Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago, University of Chicago Press, 1994. 398 p. In English.

Helbig G., Buscha J. *Deutsche Grammatik*. Berlin. München. Wien. Zürich. New York, Langenscheidt, 2006, 654 p. In German.

Lehmann C. Theory and method in grammaticalization. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 2005, no. 32, pp.152–187. In English.

Meillet A. L' evolution des forms grammaticales. *Scientia*, 1912, no 12, pp. 384–400. In French.

Paffen K.-A. *Deutsch-russisches Satzlexikon: in 2 B.* / K.-A. Paffen. Leipzig, VEB Enzyklopädie, 1974, 1686 p. In German.

Grass G. *Beim Häuten der Zwiebel*. München, Deutscher Taschenbuch Verlag, 2008, 480 p. In German.

Remarque E. M. *Die Nacht von Lissabon*. Moscow, Manager Publ., 2004. 336 p. In German.

Shirobokov V. G. *Oshmes zhil'yrteh van'myzly* [Stream murmurs for all]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1980. 240 p. In Udmurt.

Received 12.12.2018

Aukhadieva Faniya Sabirovna,
Candidate of Science (Philology), Associate Professor,
Udmurt State University,
1, ul. Universitetskaya, Izhevsk, 426034, Russian Federation,
e-mail: profin@udm.ru

Bulycheva Elena Alexandrovna,
Candidate of Science (Philology), Associate Professor,
Udmurt State University,
1, ul. Universitetskaya, Izhevsk, 426034, Russian Federation,
e-mail: bulychevae@mail.ru